

/ лягчэй так ствараць / «Жывой душой» пачуццёваю: / Як пэндзлем стамляешся / ўсё адцяняць, — / *адольфваеи* прозай жыццёваю (К. Камейша).

Своеасаблівасць утварэння ІАД *улукиацца* ‘паляпшацца ў асобе Валянціна Лукшы’ заключаецца ў выкарыстанні ў якасці першага кампанента запазычанага з рускай мовы дзеяслова *улучшацца* (< рус. *улучшиться*), выдалення з яго складу фанемы <ч> і сумяшчэння часткі яго фанем з другім кампанентам — назоўнікам-онімам *Лукиа* (< *улучшацца* + *Лукиа*): *Усё пачало пагаришацца, / на рынку цэны кусацца... / Буіце розная трасца, / што сябар ворагам здасца. / Дазвольце нарэшце спытацца: — / Калі ж пачне жыццё / улукиацца?* (К. Камейша). Такі спосаб словаўтварэння мы называем сінкопай + імпазіцыяй.

Складаныя ўтварэнні *адольфваць* і *улукиацца* маюць ярка выражанае характарыстычнае значэнне і прасякнуты лёгкім гумарам, які рэалізуецца ў выніку словаўтваральнай гульні за кошт сумяшчэння асноў узуальных дзеясловаў і онімаў. На характар словаўтваральнай гульні адонімных ІАД указвае і даследчыца рускіх адонімных утварэнняў у масмедыйных друкаваных тэкстах канца XX — пачатку XXI стагоддзя Н. Б. Гарбоўская [4, с. 137].

Актуалізацыя дэрывацыйнай структуры разгледжаных ІАД ажыццяўляецца традыцыйнымі сродкамі: побач з дзеясловам-неалагізмам у тэксце ўжываецца яго ўтваральнае слова: *юзічыць* — *Юзік*, *случыць* — *Случ*, *паддзімідзіць* — *Дзімід*, *развядзьмачыць* — *Вядзьмак*, *перанавуміць* — *Навуменка*. З гэтай жа мэтай ужываюцца сінонімы і аднатыпныя структурныя ўтварэнні (*нараяліца* — *напіца*, *паддзімідзіць* — *падкузьміць*), антонімы (*адольфваць* — *стамляцца*, *улукиацца* — *пагаришацца*).

Заклучэнне. Аналіз словаўтваральных асаблівасцей разгледжаных ІАД паказвае, што пры іх утварэнні выкарыстоўваюцца адна-, двух- і трохсродкавыя спосабы словаўтварэння: суфіксацыя, імпазіцыя, прэфіксацыя + суфіксацыя, суфіксацыя + постфіксацыя, зрашчэнне + суфіксацыя, сінкопа + імпазіцыя, прэфіксацыя + суфіксацыя + дэсуфіксацыя, прэфіксацыя + суфіксацыя + постфіксацыя. Звычайна адны з іх шырока ўжываюцца пры ўтварэнні нарматыўнай лексікі, другія (імпазіцыя, сінкопа + імпазіцыя) — аказіянальнай. Актуалізацыя дэрывацыйнай структуры ІАД ажыццяўляецца шляхам ужывання ў тэксце ўтваральных слоў, сінонімаў і аднатыпных структурных утварэнняў, антонімаў і інш. Утваральнымі словамі часта выступаюць антрапонімы, якія, безумоўна, сведчаць аб узрастанні ролі асабістага пачатку ў маўленні. Назвы дзеянняў набываюць яркую экспрэсію, маючы негатыўную, гумарыстычную, жартаўлівую, іранічную і іранічна-насмешлівую афарбоўку.

Спіс цытуемых крыніц

1. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
2. Намитокова, Р. Ю. Отонимическая лексика на газетной полосе: традиции и новаторство / Р. Ю. Намитокова // Функционирование языка в различных речевых жанрах: материалы Всерос. науч. конф. — Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1997. — Вып. 3. — С. 7—9.
3. Рацибурская, Л. В. Отонимические новообразования в современных СМИ / Л. В. Рацибурская // Проблемы региональной ономастики: материалы 4-й Всерос. науч. конф. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. — С. 199—202.
4. Гарбоўская, Н. Б. Онимные и отонимные новообразования в современных массмедийных текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. Б. Гарбоўская; Адг. гос. ун-т. — Майкоп: [б. и.], 2006. — 150 с.

Материал поступил в редакцию 01.03.2014 г.

УДК 82.091

Т. Сухарский, доктор наук
Поморская академия, Слупск, Республика Польша

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ГУСТАВА ХЕРЛИНГА-ГРУДИНСКОГО

Введение. Произведения В. Шаламова о силе человеческого духа и ужасах и жестокости лагерного мира соприкасаются с произведениями Густава Херлинга-Грудзинского. Данный автор в книге «Иной мир» ещё задолго до издания «Колымских рассказов» затрагивал вопросы, которыми был глубоко обеспокоен Варлам Шаламов. Поэтому нам хотелось бы предельно точно очертить то идейное пространство, которое составляло не только книгу Херлинга, но и рассказы Тадеуша Боровского, а также Франца Кафки и Альбера Камю. Наш интерес к идейному пространству произведений указанных писателей обусловлен отсутствием исследований по этой проблеме.

Основная часть. Безусловно, важной проблемой в этом контексте является отношение к суициду. Так, если Херлинг считал самоубийство высочайшим порывом и действенным способом защиты человеческого достоинства и протеста против уничтожения человеческой личности,

то «колымский летописец» проблему самоубийства в условиях лагеря рассматривал гораздо шире — Варлам Шаламов осмысливал её с точки зрения как заключённого, так и свободного человека. В частности, от суицидальных интенций узника лагеря оберегает, по мнению писателя, инстинкт самосохранения, вынуждающий человека отдавать предпочтение чувствам, а не мыслям, скованным бесконечным морозом телесности и физиологии. Думать так у Шаламова были веские основания, поскольку почти двадцатилетнее пребывание на Колыме убедило его в том, что человек «физически выносливее любого животного [1, с. 99]. И именно такая феноменальная живучесть, а не надежда спасает человека даже в самых невероятных условиях.

Во вступительной статье к польскому изданию «Колымских рассказов» Михаил Хеллер сравнил высказывания В. Шаламова и Т. Боровского, узников двух «почти идентичных мест тотального уничтожения» [4, с. 380]. Тадеуш Боровский в рассказе «У нас в Освенциме» («U nas w Auschwitzu») писал: «Нас не научили избавляться от надежды, и поэтому мы погибаем в газовых камерах»¹ («Nigdy w historii ludzkości nadzieja nie była tak silna, nigdy też nie przyniosła tyle zła, co w tej wojnie, w tym obozie. Nie nauczono nas wyrzekać się nadziei i dlatego ginieemy w komorach gazowych») [3, с. 107]. Колымский летописец, пишет М. Хеллер «склонен усматривать в надежде зло, потому что смерть часто оказывается гораздо лучше, чем жизнь в лагере» [4, с. 13].

Но, как представляется, это не совсем точное утверждение, поскольку в произведении В. Шаламова содержится достаточно большой фрагмент, коррелирующий с тезисом Кафки о том, что человек наделён неким неуничтожимым феноменом: «человек не способен жить без веры во что-то бессмертное в самом себе, и при том, как бессмертие, так и вера могут быть для него неочевидны. Одной же из возможностей раскрытия подобной тайны является вера в Бога» [5, с. 619]. Автор же «Колымских рассказов» пишет о том, «что у каждого человека здесь было свое самое последнее, самое важное — то, что помогало жить» [6, с. 148]. Для самого Шаламова это были «чужие любимые стихи. <...> Единственное, что ещё не было подавлено усталостью, морозом, голодом, и бесконечными унижениями» [6, с. 148].

Таким образом, сфера преодоления простирается между двумя полюсами — полюсом физической силы и полюсом значимых ценностей. И только здесь можно обнаружить возможность надежды. В этой связи, комментируя высказывания обоих летописцев «убийственного ада», Г. Херлинг-Грудзинский писал о том, что «жить без надежды нельзя, но жить с надеждой в условиях лагеря означало невозможность хотя бы минимально влиять на собственную судьбу, означало, в частности, потерять способность на безнадёжный протест или самоубийство» («Nie można żyć bez nadziei, a żyć z nią oznaczało w łagrach pozbawiać się mizernych resztek udziału we własnym losie, jak choćby zdolność do beznadziejnego buntu lub samobójstwa») [6, с. 148]. Но далее этот польский автор сформулировал ещё одну очень важную мысль: «Совершенно иной тип надежды представляла собой надежда людей религиозных... их надежда была надеждой на ту свободу, которая для палачей оказалась попросту недоступной» («Natomiast nadzieja religiozników była inna, wznosiła się ponad rachubę dni, miesięcy, lat, dosięgała wolności, do której oprawcy nie mieli dostępu») [2, с. 382].

Если принять очерченную выше логику, то можно утверждать, что существует земная надежда и Надежда истинная. А кроме этого, есть земная смерть и Смерть истинная. В первом случае — как избавление от земных страданий, а во втором — как победа трансценденции над телесностью. О смысле этой дилеммы очень точно высказался Камю: «О какой ещё иной надежде в границах человека может идти речь, как не о бегстве за пределы этой границы» («Jakaż może być większa nadzieja w granicach kondycji ludzkiej niż możliwość wymknienia się tej kondycji») [2, с. 207]. А это может означать, что судьба человека и то, что с ним происходит, зависит исключительно от самого человека. И именно такое понимание позволяет человеку быть сильным и оставаться независимым. А ещё — не терять надежды.

Основное внимание Херлинга сосредоточено всё же на В. Шаламове, поскольку именно он оказывается в центре рефлексии польского писателя, который в «Дневнике, писавшемся ночью» неоднократно обращается к творчеству русского писателя, пытается понять как смысл его книг, так и коллизии трагической и одновременно героической судьбы. Г. Грудзинский большое внимание уделял произведениям русских писателей, обращавшихся к этой теме, прибегал, в частности, к сравнительному анализу «Колымских рассказов» и «Архипелага ГУЛАГ». В результате этого анализа он пришёл к выводу о том, что книга А. Солженицына представляет собой скорее «энциклопедический справочник», нежели литературное произведение, и поэтому «Колымские рассказы» в художественном отношении Г. Херлинг оценивал неизмеримо выше. Г. Грудзинский, помимо этого, был автором написанного под впечатлением от текста под названием «Шерри-Бренди» рассказа «Пятно», в котором польский писатель попытался отобразить последние минуты жизни В. Шаламова.

Заключение. Рассказ «Пятно», написанный под непосредственным впечатлением от смерти автора «Колымских рассказов», представляет собой что-то вроде мини-энциклопедии лагерного и постлагерного опыта «Великого Писателя», как Г. Херлинг в этом тексте называет В. Шаламова. Более

¹ Здесь и далее перевод с польского выполнен автором статьи. — Т. С.

того, одновременно это и рассказ об опыте безысходного одиночества, и прекрасная эпитафия собрату по перу и по несчастью. В свою очередь, в насыщенном отрывками из текстов русского писателя рассказе Г. Херлинга смерть В. Шаламова означает победу над миром, утратившим фундаментальные ценности. А символом этой победы становится возвращение в ту же минуту, когда приходит смерть, непобеждённой памяти.

Список цитируемых источников

1. Шаламов, В. Заклинатель змей / В. Шаламов // Колымские рассказы. — СПб. : [б. и.], 2002.
2. Herling-Grudziński, G. Dziennik pisany nocą 1973—1979 / G. Herling-Grudziński. — Warszawa : [s. n.], 1995. — 380 s.
3. Borowski, T. U nas w Auschwitzu / T. Borowski // Wspomnienia. Wiersze. Opowiadania. — Warszawa : [s. n.], 1979. — S. 107.
4. Heller, M. Przedmowa / M. Heller // Opowiadania kołymskie / W. Szalamow. — Gdańsk : [s. n.], 1991. Т. I : Pierwsza śmierć; przeł. J. Baczyński. — S. XIII.
5. Kafka, F. Rozważania o grzechu, cierpieniu, nadziei i słusznej drodze / F. Kafka ; przeł. R. Karst // Ameryka. Nowele i miniatury. Wyrok. — Warszawa : [s. n.], 1994. — S. 619.
6. Шаламов, В. Выходной день / В. Шаламов // Колымские рассказы. — СПб. : [б. и.], 2002. — С. 148.

Материал поступил в редакцию 01.03.2014 г.

УДК 371.3:811.161.1

Н. А. Филиппик

Государственное учреждение образования «Учебно-педагогический комплекс «Почаповская детский сад — средняя школа», Почапovo, Барановичский р-н

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Введение. Современная система образования предъявляет новые, более высокие требования к учащемуся и его здоровью. В последние годы вопрос ухудшения здоровья детей занимает ведущие позиции. С сожалением приходится констатировать, что всё больше и больше школьников имеют различные проблемы со здоровьем. Улучшить ситуацию призваны здоровьесберегающие технологии, элементы которых в своей деятельности применяет практически каждый педагог.

Основная часть. Здоровьесберегающие технологии — это «система мер по охране и укреплению здоровья учащихся, учитывающая важнейшие характеристики образовательной среды и условия жизни ребенка, воздействующих на здоровье» [2, с. 6].

Поскольку основной формой организации учебной работы был и остаётся урок, учителю необходимо проявить всё свое мастерство в решении данной проблемы. Каждый урок — это очередная ступенька в получении знаний учащимися, новый этап в развитии ребёнка, поэтому каждый компонент урока должен быть тщательно продуман. В первую очередь необходимо рационально использовать все элементы урока.

Опыт работы показывает, что русский язык сложен в изучении, поэтому считаем необходимым в начале каждого урока создавать ситуацию благоприятного эмоционального состояния, подготавливать учащихся к восприятию нового материала. На данном этапе весьма эффективным будет приём «Настроение», когда учитель пытается предупредить излишнюю тревожность учащихся, помогает настроиться на полноценное восприятие информации. Этому могут способствовать заранее подготовленные предложения-фразы, например «Улыбнитесь друг другу»; «Улыбнитесь солнцу за окном»; «Улыбнитесь новому дню, который принесёт вам хорошее настроение»; «Улыбнитесь мне»; «Пусть хорошее настроение будет с вами целый день!»; «Закройте глаза, представьте шум моря, цветочный луг» и т. п.

Эмоциональное напряжение учащихся вызывает и неспособность определить своё внутреннее ощущение. Потому учащимся можно предложить определить свои внутренние ощущения через «дерево» настроения, карту настроения; SMS-послание самому себе и др. В процессе использования таких приёмов, которые занимают 1-2 минуты, психологическое напряжение снимается, ученики, сами того не замечая, активно включаются в работу на уроке.

Учителю очень важно правильно распределить компоненты соответствующего типа урока: объяснение нового материала, урок-закрепление, комбинированный урок, урок коррекции знаний и др. Знакомство с новым материалом должно занимать не более 5—10 минут с чередованием разных видов деятельности. Очень важно мотивировать работу учащихся на каждом уроке. Например, в 5—6-х классах эффективными будут игровые технологии. На уроках ребята путешествуют с Незнайкой по стране Лексика, учатся вместе с забавными жителями королевства Словообразование творить чудеса со